

Д. А. Боровков

ИМПЕРАТОР КАРЛ V

МОНАРХ И ЧЕЛОВЕК

Опыт
идейно-психологической
биографии

Санкт-Петербург
2025

ББК 63.3(0)4

УДК 94(436).04 Карл V, 1500–1558 гг.

Б83

Боровков Д. А.
Б83 **Император Карл V: монарх и человек (опыт идейно-психологической биографии).** — СПб.: Евразия, 2025. — 192 с.; илл.

ISBN 978-5-8071-0642-1

В этой книге с исторической, идеологической и психологической точек зрения реконструируется биография Карла V Габсбурга (1500–1558). Многоплановый фокус исследования позволяет не только открыть новые горизонты источниковедческого синтеза в рамках исторической антропологии, но и по-новому интерпретировать факты, описывающие поступки «великого императора» на протяжении четырех десятилетий правления. Помимо Карла V на страницах этой книги читатели встретятся с членами его семьи, министрами, дипломатами, хронистами, а также с целой плеядой деятелей европейской исторической мысли XX и XXI века, пытавшихся воссоздать «имперскую идею» монарха с точки зрения интеллектуальной истории.

© Боровков Д. А., 2025

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2025

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2025

ISBN 978-5-8071-0642-1

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
В поисках имперской идеи	9
Карл V и его министры	28
В поисках типа личности	59
Заговор молчания или семейное безумие?	82
Короля делает свита?	100
Человек эпохи Возрождения или человек эпохи Средневековья?	107
Император-интроверт	125
Скандал в благородном семействе	137
Триггер отречения: кризис среднего возраста? ...	150
Заключение	161
<i>Приложение. «И некоторые скажут, что я желаю быть всемирным монархом...» — речь Карла V в Ватикане 17 апреля 1536 г.</i>	
Избранная библиография	185

Введение

Эта книга — написанный в жанре исторической антропологии опыт биографии «великого императора», как назвал Карла V (1500–1558) русский историк А. С. Трачевский (1838–1906). В политическом отношении монархия Карла V, сформировавшаяся на рубеже позднего Средневековья и Ренессанса и охватывавшая несколько королевств Испании, семнадцать провинций Нидерландов, а формально и многочисленные города и земли Германии и Италии, входившие в так называемую Священную Римскую империю, занимала такое же важное положение в истории европейского континента, как монархия Карла Великого, возникшая на рубеже раннего Средневековья и Каролингского Возрождения. В отличие от Карла Великого Карл V не стал эпическим героем, хотя был одним из немногих европейских монархов, совершивших два военных похода в Северную Африку, благодаря чему некоторые исследователи считают его «последним

- 6 крестоносцем». Кроме того, Карл V занял видное место в анналах истории как правитель межконтинентальной империи, включавшей, кроме европейских владений, значительную часть Центральной и Южной Америки, над которой, по словам современников, «никогда не заходило солнце», так что некоторые из них даже называли его «всемирным монархом».

Несмотря на то, что формирование империи отчасти являлось результатом прагматичной династической политики двух поколений предшественников Карла V из австрийской династии Габсбургов и испанской династии Трастамара, отчасти — результатом исторической случайности, император приложил немало усилий, чтобы придать устойчивость этой политико-династической конструкции, но оказался не в состоянии обеспечить ее жизнеспособность, также как не смог сохранить во всех своих владениях господствующее положение католической церкви, на сотрудничество с которой делал ставку на протяжении всего правления, начиная с прихода к власти в 1515 г. и до отречения в 1556 г., в условиях начавшейся в 1517 г. борьбы за церковную реформу, которая восторжествовала в большей части германских земель, а позже и на родине императора в Нидерландах.

Однако задача этой книги состоит не столько в том, чтобы воссоздать политический портрет

Карла V, сколько в том, чтобы показать процесс психологического формирования его личности в исторических условиях первой половины XVI столетия, понять, какие черты личности поспособствовали политическому краху и распаду его империи. Сложность этой задачи заключается в том, что Карл V оставил десятки тысяч государственных документов, но мало документов личного происхождения, которые позволили бы реконструировать его психологический тип. Поэтому в этой книге исторические сюжеты синтезируются с психологическими экскурсами по юнгианской типологии личности, служащими ключом к новой интерпретации фактов, связанных с деятельностью Карла V.

Вместе с тем текст не имеет цели дать исчерпывающую психологическую интерпретацию этой деятельности, о которой можно узнать из нового издания написанной нами биографии Карла V. Цель этого текста — осветить ключевые моменты идейно-психологической эволюции монарха. Поэтому он построен как цикл тематических очерков, каждый из которых освещает тот или иной аспект деятельности Карла V и его ближайшего окружения, составленного не только членами семьи, но и доверенными советниками, многие из которых оставили в истории уникальный след, достойный отдельных исследований.

- 8 Помимо этого, мы стремились дать не только репрезентацию исторических фактов современниками событий, но и оценки крупнейших европейских исследователей, чтобы дать некоторое представление о зарубежной *Historigraphia Carolina* и вкладе таких ее представителей как Р. Менендес Пидаль, К. Бранди, Х. А. Мараваль, Ф. Бродель, М. Фернандес Альварес, М. Фердинанди и т. д.

В поисках имперской идеи

Долгое время едва ли не основным источником информации для биографов являлась «История жизни и деяний императора Карла V», написанная епископом Туи и Памплоны Пруденсио де Сандовалем (1552–1620) в начале XVII в. и неоднократно переиздававшая до середины XX в., пока в процессе разработки и публикации документального материала не стала очевидна ее источниковедческая вторичность по отношению к историческим сочинениям, написанным современниками Карла V, в числе которых были его придворные хронисты Педро Мехиа (1497–1551), Алонсо де Санта Крус (1505–1567) и Хуан Хинес де Сепульведа (1490–1573), хотя исследователи до сих пор опираются на труд Сандовалю, считая его «достоверным хронистом императора» [Fernandez Alvarez 2007, p. 178].

Основоположителем *Historiographia Carolina* в научном плане является шотландский историк эпохи Просвещения Уильям Робертсон (1721–1793),

- 10 автор «Истории государственного императора Карла V», в которой правление императора было рассмотрено в контексте становления европейской феодальной системы. После того как в середине XIX столетия началась концептуальная разработка различных проблемно-исторических аспектов царствования Карла V немецкими, французскими, испанскими, итальянскими, английскими и американскими исследователями на богатом документальном материале из европейских архивов, «ученый кредит Робертсона», по словам профессора Московского университета П. Н. Кудрявцева (1816–1858), «упал на несколько процентов» [Кудрявцев 1856, с. 120]. Однако, несмотря на интенсивное освоение исследователями источникового материала, до конца первой трети XX в. вопрос об идеологических основах деятельности Карла V не стоял. Зато за 90 лет, прошедших с момента появления первых исследований имперской идеи Карла V, историография этой проблемы разрослась настолько, что мы можем сделать здесь лишь общие замечания по этому вопросу.

Серия совпадений, благодаря которым в начале XVI в. сложилась империя Карла V, поставила на повестку дня вопрос о роли случая в формировании его монархии, ответить на который попытался Фернан Бродель (1902–1985) — лидер так называемого второго поколения фран-

цузской историографической школы «Анналов» и один из авторов «тотальной истории», в соответствии с которой приоритет отдавался изучению явлений стабильной социально-экономической структуры, функционировавшей на протяжении «времени большой длительности», а политические процессы рассматривались как проявления конъюнктуры. 11

В биографическом эссе о Карле V (Charles Quint, témoin de son temps, 1966), позднее частично вошедшем в третий том монографии «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1967), Бродель попытался показать, что формирование его империи было предопределено не только течением случайных факторов, но и глобальной политической перспективой формирования национальных государств или монархий нового времени, которая начала формироваться в XV столетии. Исследователь выразил сомнение в том, что император мог быть выразителем какой-либо постоянной имперской идеи, как предполагали его старшие современники — Карл Бранди (1868–1946), Петер Рассов (1889–1961) и Рамон Менендес Пидаль (1869–1968), занимавшиеся этой проблематикой в 1930-е гг. [*Braudel* 2000, р. 34–44; ср. *Бродель* 2004, с. 21–47].

Как правило, немецкие исследователи, с одной стороны, связывали формирование имперской

- 12 идеи Карла V с политической традицией, сложившейся в Священной Римской империи. С другой стороны, имперская идея Карла V рассматривалась как продолжение концепции «универсальной монархии» Данте Алигьери (1265–1321), воспринятой императором через посредство канцлера Меркурино Арборио де Гаттинара (1465–1530) [Brandi 2008, р. 78], в связи с чем произошла переоценка исторического значения его роли. Если в историографии XIX в. Гаттинара воспринимался как обычный министр, то затем стал считаться идеологом имперской политики Карла V.

Испанский историк Мануэль Риверо Родригес отмечает, что «в конце XIX и начале XX века перо итальянских и германских историков и эрудитов „воссоздало“ и реабилитировало фигуру Гаттинары, обозначив его как создателя проекта объединения Европы и христианского мира. Любопытно, что это явление контрастирует со свидетельствами хронистов, дипломатов и государственных деятелей XVI века, которые не приписывали ему столь фундаментальной роли. Показателен случай знаменитого флорентийского историка Франческо Гвиччардини, непосредственного свидетеля ожесточенных Итальянских войн, который в своем труде нарисовал величественную картину событий, которые сопровождали борьбу между французами и испанцами за господство над полуостровом между 1494

и 1534 гг. На протяжении этих 40 лет предполагается, что Гаттинара был вдохновителем политики, которая привела к победе при Павии в 1525 г., разграблению Рима в 1527 г. и [установлению] имперской гегемонии в 1530 г., однако лишь один раз он упоминается как главный участник дебатов, состоявшихся в апреле 1526 г., касательно итальянской политики» [*Rivero Rodriguez* 2005, p. 11].

По всей видимости, автор имел в виду дебаты о мирном договоре с Францией, состоявшиеся накануне заключения Мадридского мира 1526 г. Казус, отмеченный М. Риверо Родригесом, отчасти объясняется тем, что публикация документального наследия Гаттинары, как и его автобиографии, оригинал которой, написанный на латыни, был обнаружен в 1908 г. и опубликован в 1915 г., началась лишь в XX столетии. Его значение в качестве идеолога имперской политики Карла V могло быть не столь очевидным для современников, даже столь просвещенных и информированных, как Франческо Гвиччардини (1485–1540), поэтому Гаттинара в идеологическом смысле мог выступать как «серый кардинал» Карла V. В то же время следует подчеркнуть, что, например, венецианские представители при дворе Карла V не сомневались во влиянии, которое канцлер имел на государственные дела, что зафиксировано в их отчетах,

- 14 хотя отмечали, что ему приходилось действовать в условиях жесткой политической конкуренции при дворе.

В формировании подобного подхода к деятельности Гаттинары не последнюю роль играет и то обстоятельство, что испанские исследователи больше обращали внимание на имперскую идеологическую традицию, сложившуюся в Средние века на Пиренейском полуострове и имевшую, по выражению другого представителя школы «Анналов» Жака Ле Гоффа (1924–2014), претензию на региональный характер [Ле Гофф 2005, с. 324, 325]. После выхода в свет эссе Р. Менендеса Пидалья «Имперская идея Карла V» (1937), появление которого он оправдывал упадком испаноязычной *Historiographia Carolina* после смерти Мануэля Форонды-и-Агилера (1840–1920) и Франсиско де Лаиглесса (1849–1922), в центре внимания испанских историков оказалась иберо-американская имперская традиция. Идеологически она восходила к реляциям покорителя Мексики Эрнана Кортеса (1485–1547), который обращался к Карлу V как к императору не только Старого, но и Нового Света, хотя формирующаяся заокеанская империя долго оставалась на периферии политики монарха, несмотря на то, что в 1540-х гг. он пытался реформировать порядок управления ею в интересах королевской власти путем

введения «Новых законов» 1542 г., разработанных по инициативе гуманиста Бартоломе де Лас Касаса (1484–1566), что вызвало негативную реакцию конкистадоров в колониях и привело к продолжительным волнениям в Перу в 1540-х и 1550-х гг.

Концепция Р. Менедеса Пидалья возникла как реакция на концепцию Бранди–Рассова, отдававшую канцлеру Гаттинаре приоритет в формировании имперской идеологии Карла V, оформившейся накануне первого итальянского похода в 1529–1530 гг., в ходе которого римский папа Климент VII короновал его в Болонье императором Священной Римской империи (24 февраля 1530 г.). Менендес Пидаль полагал, что имперская идея Карла V сложилась уже к началу 1520-х гг., а выразителем ее стал бывший придворный проповедник епископ Педро Руис де ла Мота. Во время заседаний кортесов (сословного парламента) Кастилии в Сантьяго де Компостела в 1520 г., когда перед королевскими министрами стояла задача получения внеочередного финансирования, Руис де ла Мота в своей речи провозгласил Карла, за несколько месяцев до этого избранного германским королем или, по терминологии той эпохи, «королем римлян», преемником римских императоров испанского происхождения — Траяна, Адриана и Феодосия Великого.